ПЯТЫЙ НЕ СБЕЖИТ

Карина Дель

Карина Дель

Пятый не сбежит

«Автор»
2026

Дель К.

Пятый не сбежит / К. Дель — «Автор», 2026

Кэт — избалованная, эпатажная мажорка, привыкшая к тому, что все уходят. Она устраивает шоу перед каждым женихом, присланным её отцом, которое обязательно заканчивается побегом. Однако у ее отца есть козырь и пришло время его разыграть

© Дель К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Карина Дель
Пятый не сбежит

Глава 1

Четвёртый жених Кэт Мироновой продержался сорок минут. Предыдущий рекорд — двадцать пять.

Строго говоря, Кирилл Лопатин просидел за столиком почти час, но первые двадцать минут он провёл в одиночестве, пока невеста «готовила выход». Этот подвиг Кэт великодушно не засчитала.

Ресторан «Ласточка» располагался на крыше отеля: с одной стороны — река и Кремль, с другой — цены, от которых официанты говорили шёпотом. Кирилл, тридцать два года, юрист, сын сенатора, сидел у панорамного окна в костюме цвета «благонадёжность» и каждые три минуты проверял телефон. Мама присылала ему одно и то же сообщение: «Держись».

Когда двери зала распахнулись, он поднялся — и тут же сел обратно. Кэт вошла в свадебном платье.

Платье было винтажное, слегка пожелтевшее, со шлейфом такой длины, что официанту пришлось перешагнуть через него, как через барьер на скачках. Из-под кружевного подола выглядывали белые кроссовки. Медно-рыжие волосы, которые лучшие стилисты Москвы деликатно называли «сложным случаем», были прихвачены фатой на манер банданы.

Екатерина Борисовна Миронова, двадцать семь лет, владелица канала «Кэт без тормозов» и розового «Гелендвагена», в таких случаях не волновалась никогда. Волновались другие.

— Кирилл Андреевич, — она опустилась в кресло, и шлейф накрыл соседний стол вместе с хлебной корзинкой. — Простите за опоздание. По дороге выходила замуж.

— Простите?.. — Кирилл привстал.

— Не за вас, не волнуйтесь. Пока. Но платье уже есть — удобно, правда? Сэкономим время.

Она улыбнулась так, что у менее подготовленного человека задрожали бы колени. Кирилл был подготовлен. Мама три вечера подряд инструктировала его: не горячиться, не спорить, не принимать на свой счёт. «Это просто характер, Кирюша. Девочка выросла без матери, ей нужна твёрдая рука».

— Мне говорили, что вы... своеобразная, — вежливо сказал он.

— Меня называют по-разному. «Своеобразная» — самое мягкое.

Она заказала три горячих, десерт «вперёд» и бутылку вина, название которого официант произносил, как молитву. Суп вернула, потому что он «слишком тёплый для оскорбления, но слишком холодный для комплимента». Хлеб ломала, но не ела. Кирилл ел всё подряд, сохраняя лицо, как человек, который сдаёт экзамен и знает, что ему достался самый страшный билет.

— Давайте сразу к делу, — Кэт достала из крошечной сумочки сложенный вчетверо лист, запаянный в плёнку. — Памятка для жениха. Прочтите, пока несут закуски. Вопросы после десерта.

Кирилл аккуратно развернул лист.

«ПАМЯТКА. 1. Жених не перебивает. 2. Жених не спорит. 3. Жених не имеет мнения о моих друзьях, машинах, долгах и бывших. 4. Жених оплачивает штрафы за превышение скорости (мои). 5. Мои бывшие приглашаются на все семейные праздники. 6. Моя собака спит с нами. Ваша мама — нет».

— Пункт шестой спорный, — сказал Кирилл, дочитав до конца. — Предлагаю обсудить.

Кэт моргнула.

— Вы дочитали до шестого?

— Я юрист. У меня привычка читать до конца.

— До сих пор никто не доходил дальше третьего, — призналась она.

Теперь она смотрела на него с профессиональным уважением охотника: зверь не бросился бежать после первого выстрела. Что ж, придётся доставать тяжёлую артиллерию.

Кэт дождалась, пока официант отойдёт, наклонилась через стол и понизила голос до интимного шёпота:

— Кирилл, я хочу, чтобы вы узнали это от меня. Я беременна.

В зале стало так тихо, что было слышно, как покачивается люстра. Кирилл побледнел до оттенка скатерти.

— От... — он сглотнул. — От меня?

— Кирилл, мы виделись три раза. На третий вы подарили мне кактус.

— Тогда от...

— От шейха, — Кэт вздохнула с видом мученицы. — Он, конечно, готов признать ребёнка. Но настаивает, чтобы вы помогли нам с переездом. Очень ревнивый человек. Но справедливый.

Кирилл встал. Аккуратно сложил салфетку. Положил её на стол.

— Мне нужно позвонить, — произнёс он ровным голосом человека, который держится из последних сил.

— Конечно.

Он прошёл через весь зал размеренным шагом, дошёл до дверей — и вместо лифта свернул к служебному входу. Створки кухни хлопнули дважды: туда и обратно. Кирилл вернулся за пиджаком, оставленным на спинке стула, схватил его и исчез окончательно.

— Сорок две минуты, — шёпотом сообщил молодой официант, глядя на часы. — Новый рекорд, Екатерина Борисовна.

Здесь её знали и ценили. На кухне, как выяснилось позже, у персонала давно шёл тотализатор.

Кэт откинулась на спинку кресла и стала ждать привычной вспышки торжества, как после удачного трюка. Вспышка не пришла. Остались платье, пустой стул напротив и тишина, в которой слишком отчётливо звенели приборы.

Статистика у неё была такая. Антон, первый, банкирский сынок, продержался двадцать пять минут: на «знакомство с семьёй» вместо родственников явились шесть актрис из театральной студии и хором назвали его зятем. Валерий Георгиевич, второй, вдовец и замминистра, добрался до десерта — пока Кэт не подарила ему на «помолвку» часы с гравировкой «Я всегда права». Макс, третий, коуч по личностному росту, покинул собственный мастер-класс, на который Кэт записалась под именем «Светлана, 54 года, мать троих» и задавала вопросы.

Люди уходили. Каждый раз она говорила себе: «Ну вот, я так и знала». Это почти утешало: знать заранее.

Она подписала счёт, добавив чаевые, которых хватило бы на небольшую свадьбу, и приписала от руки: «Простите за цирк. Это не про вас».

— Хорошая приписка, — сказал знакомый голос за её спиной.

Кэт не обернулась: она заметила отца ещё на пороге и весь вечер делала вид, что за дальним столиком под колонной сидит не он. Борис Аркадьевич Миронов, пятьдесят восемь лет, холдинг «Мирон-Групп». В Москве его называли железным Борисом. Дома — просто папой, и Кэт давно научилась произносить это «просто» так, чтобы оно звучало как ругательство.

Он подошёл неторопливо, широкоплечий, с сединой на висках и прямой спиной, которую не согнули ни кризисы, ни министры, ни дочь. На его столике остались нетронутая папка с документами и стакан минералки.

— Четвёртый, — сказал он.

— Сорок две минуты. Новый рекорд.

— Я знаю. Я засёк.

— Ты что, сидел там с секундомером?

— Я всегда считаю, Катя.

— Кэт.

— Катя.

Они помолчали. Это был их главный разговор за последние несколько лет: «Кэт» — «Катя», «Кэт» — «Катя». Ни один не отступал.

— Давай угадаю, — сказала она. — Сейчас ты скажешь, что мама была бы расстроена.

— Мама бы смеялась, — неожиданно ответил отец. — Хохотала бы до слёз, а потом отобрала бы у тебя кроссовки и заставила надеть туфли.

У Кэт перехватило дыхание. На долю секунды в зале ресторана запахло чужими духами: лавандой и яблоками.

— Не смей, — сказала она тихо. — Не смей говорить о ней со мной. Ты потерял на это право, когда продал всё: дом, рояль, платья, книги. Даже чашки, папа. Даже чашки.

Отец не стал оправдываться. Он смотрел на неё так, как смотрят на ребёнка, который стоит на краю крыши и очень громко кричит, что не боится высоты.

— Я не собираюсь тебя «сбывать», — сказал он наконец. — Ты думаешь, я хочу от тебя избавиться. Нет. Я хочу, чтобы рядом с тобой остался человек, который не уйдёт.

— Люди не остаются, пап, — Кэт пожала плечами. — Ты сам мне это показал.

Что-то дрогнуло у него в лице — мгновенно, как рябь по воде. Потом лицо снова стало лицом железного Бориса.

— В субботу к нам приедет Пётр Веронин, — произнёс он. — Он не сбежит.

— Это уже пятый «не сбежит» в твоей карьере.

— Четвёртый, — поправил отец. — А пятый приедет в субботу. Он не сбежит.

— Откуда такая уверенность?

— Я знаю его давно.

— Откуда?

— По делам.

Врал он плохо. Кэт отметила это машинально, как отмечают опечатку, и тут же забыла: азарт уже закипал внутри, горячий и знакомый, как первая рюмка.

— Спорим? — сказала она.

— Спорим, — ответил отец так быстро, что она насторожилась. — Ты же не умеешь отказываться от пари.

— На что?

Он достал из внутреннего кармана ручку и положил её на скатерть — жест, означавший: сейчас будут условия, как на переговорах. Всю жизнь Кэт знала этот жест. Он означал, что мелкий шрифт найдётся в самом конце.

— Если Пётр сбежит до свадьбы, — медленно сказал Борис Аркадьевич, — я отдам тебе всё, что осталось от мамы. Всё. Без условий.

Кэт перестала дышать.

— Ты же всё... — начала она.

— Не всё.

— Ты врёшь.

— Нет.

Он смотрел ей прямо в глаза, и она вдруг поняла, что он играет краплёными картами. Он знал, на что надавить: на единственное, чего она хотела по-настоящему. На единственное, за что отдала бы и «гелик», и канал, и все четыре своих рекорда.

— А если не сбежит? — спросила она хрипло.

— Тогда ты выйдешь за него замуж. И без фокусов в загсе.

— А до загса?

— До загса — сколько влезет.

— Принято, — сказала Кэт.

Они пожали друг другу руки. Ладонь отца была сухой и тёплой и едва заметно дрожала. Кэт списала это на возраст. Она ошибалась.

Он ушёл, не оглянувшись, а охранник в сером костюме придержал перед ним дверь, как перед министром. Кэт осталась стоять посреди зала в свадебном платье и кроссовках, как невеста, которую забыли на вокзале.

В машине она сорвала фату, швырнула её на заднее сиденье и долго сидела, положив ладони на руль. Её «гелик» был розовый — не «пудровый», не «кораллово-сдержанный», а розовый, как жвачка, как вызов, как шутка, над которой никто не смеётся, кроме неё самой. На приборной панели, под стеклом, было приклеено единственное фото: смеющаяся женщина на серой лошади, с растрёпанной косой и яблоком в руке.

Кэт провела пальцем по стеклу.

Телефон завибрировал. Бьянка.

«Ну? Сколько?»

«Сорок две. Рекорд».

«Ты чудовище. Обожаю. Папа жив?»

«Папа назначил пятого».

Три точки появлялись и исчезали секунд десять.

«Пятого?! Когда?»

«В субботу. Он, видишь ли, не сбежит».

«Кэтти... а если правда не сбежит?»

Кэт посмотрела на экран. Потом набрала: «Сбегают все. Они всегда сбегают» — и стёрла слово «всегда». Фраза без него выглядела слишком похожей на правду.

Она выложила в канал фото пустого стула и подпись: «Жених 4. Время: 42 минуты. Причина побега: шейх». Через минуту под постом копились тысячи смеющихся смайликов. Миллион подписчиков смеялся вместе с ней. Это тоже почти утешало.

Почти.

— Ну давай, пятый, — сказала Кэт, глядя в зеркало заднего вида. — Покажи, на что ты способен.

Она завела мотор. Розовый «гелик» зарычал, как обиженный бегемот, и вылетел с парковки.

Она ещё не знала, что пятый давно знает о ней больше, чем она сама.

Глава 2

Родительский дом в Барвихе был красив, как больничный холл: белый камень, стекло, ни одной лишней вещи. Нигде не валялись книги, не стояли забытые чашки, не висели детские рисунки. Четырнадцать лет назад отец купил его пустым и с тех пор педантично поддерживал эту пустоту.

Кэт не жила здесь с восемнадцати лет. Но на следующий день после «Ласточки» железный Борис улетел на переговоры в Петербург, и она дождалась, пока на трекере его самолёт оторвётся от земли, — а потом приехала в Барвиху с пакетом чипсов, зарядкой для ноутбука и ощущением, что идёт на штурм.

Комната Бьянки была единственным местом в доме, где ещё теплилась жизнь: скрипичные футляры, ноты на ковре, плед с оленями и чайник, который вечно что-нибудь кипятил. Сама Бьянка лежала поперёк кровати и болтала пятками в носках с авокадо.

Младшая сестра. Двадцать два года, золотые волосы, лицо, которое на открытках рисуют ангелам. Весь мир считал её послушной. Кэт-то знала правду: Бьянка просто не любила тратить силы на споры — и потому выигрывала молча.

— Нашла, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Садись. Знакомься: Пётр Сергеевич Веронин, тридцать пять лет, конный двор «Лисья Горка», Тверская область.

«Лисья Горка». Что-то царапнуло Кэт на краю памяти — как строчка из детской песенки: вот-вот вспомнишь, но никак.

— Звучит как детский сад, — сказала она, плюхаясь на кровать.

— Звучит как место, где пахнет сеном.

— Сено — это аллергия.

Фотографий на сайте было две. На первой мужчина с бородой, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, стоял рядом с гнедой лошадью и смотрел не в камеру, а на лошадь. Так не позируют. Так живут.

— Борода, — констатировала Кэт. — Из тех, что называют «мужественными», а на самом деле просто лень бриться.

— Он красивый, — осторожно заметила Бьянка.

— Он хозяйственный. Это хуже.

Глаза у него были серо-зелёные, спокойные, как вода в лесном пруду. Кэт не доверяла спокойной воде. Под ней всегда что-нибудь прячется.

На второй фотографии он стоял посреди манежа, а на пони перед ним сидел мальчик лет девяти в слишком большом шлеме и хохотал, запрокинув голову. Подпись гласила: «Программа Копыта и руки. Занятия для особенных детей — бесплатно».

— Благотворительность, — сказала Кэт. — Любимый приём тех, кому нужны деньги: показать, какой ты хороший.

— Или просто говорит о том, какой он хороший на самом деле.

— Не бывает.

Она сказала это слишком быстро. Бьянка промолчала.

— Читай отзывы, — велела Кэт, меняя тему.

Бьянка откашлялась и заговорила голосом диктора:

— «Привезла истеричного жеребца. Пётр Сергеевич ни разу не повысил голос — ни на меня, ни на жеребца. К концу недели успокоились оба». Дальше: «Спокойный, как слон. Можно кричать ему в ухо — он только спросит, не замёрзли ли вы».

— Слон, — задумчиво повторила Кэт.

— Это комплимент.

— Это диагноз. Но слонов, между прочим, пугают мышами.

— Кэтти...

— Значит, мышей понадобится много.

— Подожди, это ещё не всё, — Бьянка щёлкнула мышкой, и на экране появилась скучная серая страница с номером дела. — Картотека арбитражных дел. Иск банка к индивидуальному предпринимателю Веронину П. С. Взыскание задолженности по кредиту. Двадцать восемь миллионов рублей.

Кэт присвистнула.

— Конюшня, лошади, борода и двадцать восемь миллионов долга. И тут — оп! — папа находит ему богатую невесту.

— Думаешь, папа...

— Я думаю, папа купил мне должника, — Кэт откинулась на подушки. — Грамотная сделка. Ему — зять, которого не жалко. Зятю — спасение. Мне — тюрьма с навозом. Все довольны, кроме меня.

— А если дело не в деньгах?

— Бьянка, дело всегда в деньгах. Остальное — упаковка.

Она сказала это легко, с улыбкой, как говорила всегда. Бьянка спорить не стала. Только на секунду опустила ресницы — точь-в-точь как мама, когда была не согласна и не хотела ссориться.

— Лука вчера опять приходил к папе, — сказала она, глядя в ноутбук.

Лука, виолончелист из её оркестра, краснел при виде Бориса Аркадьевича до корней волос — и всё равно приходил. Уже в третий раз. Просить руки.

Кэт села.

— И?

— Папа сказал: «Старшая — первой».

Чайник на тумбочке щёлкнул и затих. В тишине стало слышно, как далеко внизу, на кухне, гудит холодильник — в доме, где всё слишком большое и слишком тихое.

— Он не из вредности, — быстро добавила Бьянка. — Он боится, что если я выйду, ты останешься совсем одна.

— У меня миллион подписчиков. Я не бываю одна даже в лифте.

— Кэтти.

— Бьянка, я серьёзно. Я не выхожу замуж. Я выигрываю пари.

— Тогда я не знаю, за кого мне болеть, — призналась сестра. — Если ты выиграешь, у тебя будет что-то от мамы. Если проиграешь, у нас с Лукой будет свадьба. А я хочу и того, и другого.

— Жадина, — сказала Кэт и взъерошила ей золотые волосы.

— А что там, от мамы? — спросила Бьянка. — Папа сказал «всё». Но он же продал...

— Не знаю, — Кэт пожала плечами слишком небрежно. — Хоть что-нибудь. Хоть одну чашку. Помнишь, с синим ободком? Треснувшую.

— Помню. Мама пила из неё чай, когда читала нам Шекспира.

Мама была учительницей английского и обожала Шекспира так, как другие женщины обожают сериалы. Читала дочкам вслух по-английски, меняла голоса и звала старшую «Kate». Девочек она назвала в честь сестёр из «Укрощения строптивой»: старшая по документам стала Екатериной — отец настоял, — но «Кэт» осталась. Не из моды и не из желания выпендриться. Просто так её называла только мама. После похорон Кэт отвоевала это имя, как отвоёвывают последнюю комнату в осаждённом доме.

Отец ни разу не произнёс его вслух.

Кэт прочла «Укрощение строптивой» в двенадцать лет и две недели не разговаривала с мамой. Потому что в конце Катарину сломали: морили голодом, не давали спать, заставили

признать, что солнце — это луна. А потом она ещё и произнесла речь о том, что жена должна ползать у ног мужа.

— Ты дочитала, но не дослушала, — сказала мама.

— Это одно и то же.

— Нет, Кэт. Совсем не одно и то же.

Через год мамы не стало, и вопрос остался без ответа.

— Так, — сказала Кэт и хлопнула ладонью по одеялу. — Хватит лирики. Пора делать контент.

Она открыла канал. Миллион подписчиков ждал — они всегда ждали.

«Жених 5, — набрала она. — Пётр В., 35 лет, хозяин конюшни, борода, сапоги (предположительно). Папа клянётся, что этот не сбежит. Ваши ставки, дорогие мои». Под текстом — опрос: «До обеда», «До банкета», «До свадьбы», «Он слон — это надолго».

Через десять минут проголосовали сорок тысяч человек. Через час — триста. За «до свадьбы» стояло четыре процента.

— Четыре процента верят в чудеса, — сказала Бьянка.

— Четыре процента просто ещё не видели, как я знакомлюсь с родителями, — ответила Кэт.

Потом она нашла в сумке помаду «Красный вызов» и написала на зеркале: «Операция Пятый. Пункт первый — ведро. Пункт второй — шейх. Пункт третий — импровизация».

— Ведро и шейх уже были, — заметила Бьянка.

— Классика не стареет. Люди плохо запоминают смешное, зато отлично помнят мокрое.

— А импровизация?

— Это моя специальность.

Три дня Кэт готовилась так, как другие готовятся к защите диссертации. Тестовый запуск ведра на торшере показал: вода опрокидывается ровно через две секунды после открытия двери. Торшер не обиделся.

В субботу она встала в семь утра — впервые в жизни добровольно. Ведро — оцинкованное, настоящее, дачное, добытое у садовника и украшенное розовой ленточкой для эстетики — она водрузила на дверь отцовского кабинета. Все двери в доме были стеклянными, и только эта — тяжёлая, ореховая. Именно туда Борис Аркадьевич всегда уводил гостей «поговорить по-мужски».

К десяти тридцати Кэт заняла наблюдательный пункт на втором этаже, у окна над подъездной аллеей, с чашкой кофе и телефоном наготове. Внизу, в холле, отец трижды за пять минут поправил галстук. Железный Борис нервничал. Это было так неожиданно, что Кэт едва не забыла про ведро.

— Ровно в одиннадцать, — сказал он — не ей, а то ли самому себе, то ли часам. — Он никогда не опаздывает.

Слишком хорошо папа знает человека, которого видел «по делам», отметила про себя Кэт.

Ровно в одиннадцать ворота дрогнули.

По аллее, выложенной белым камнем, медленно, как танк на параде, вползла машина. Старый УАЗ, зелёный под слоем грязи, с вмятиной на капоте и боковым зеркалом, примотанным изолентой. На пассажирском стекле кто-то пальцем нарисовал смайлик. С колёс на идеальный белый камень шлёпались комья глины.

— Это не он, — сказала Кэт. — Это доставка навоза.

— Кэтти, — прошептала Бьянка, выглядывая из-за её плеча, — по-моему, это он.

УАЗ фыркнул и замер у крыльца. Дверца открылась с жалобным скрипом. Сначала на белый камень встал сапог — резиновый, зелёный, в засохшей глине по самое голенище. Потом

второй. Потом из машины выбрался мужчина — высокий, широкоплечий, с бородой — и вытащил с заднего сиденья холщовый мешок.

Этого не могло быть: окно закрыто, до крыльца двадцать метров. Но Кэт могла поклясться, что ей в лицо ударил запах — кисловатый, осенний, давно забытый.

Яблоки.

— Бьянка, — сказала она, не оборачиваясь. — Скажи, что это картошка.

— Это яблоки, — выдохнула сестра. — Кэтти, он привёз яблоки.

У Кэт почему-то заныло под рёбрами. Яблоки... какая ерунда. Она потёрла грудь, словно прогоняя изжогу, и достала телефон.

— Засекай время, — сказала она. — Десять минут. Максимум пятнадцать.

Внизу мужчина поднял голову, посмотрел прямо на её окно — на занавеску, за которой она стояла, затаив дыхание, — и улыбнулся. Не вежливо и не оценивающе.

Так не улыбаются незнакомке.

Так улыбаются тому, кого очень долго ждали.

Глава 3

Кэт спускалась по лестнице так, как спускаются только по красным дорожкам и только перед тем, как кого-нибудь уничтожить.

На ней было вечернее платье цвета фуксии, на голове — тиара, купленная на распродаже «для принцессы, которой всё можно», а в руке — бокал шампанского. В одиннадцать утра. Бьянка шла следом в роли фрейлины и старательно делала лицо человека, не имеющего к происходящему никакого отношения.

— Добро пожаловать в семью, жених номер пять! — провозгласила Кэт с нижней ступеньки. — Надеюсь, вы застраховались.

В холле стояли отец, мешок яблок на мраморном полу и мужчина в носках.

Кэт моргнула. Мужчина действительно был в носках. Сапоги стояли у порога — носок к носку, как ставят в деревенских сенях, — а на белом камне возле них лежали две кучки глины. На правом носке, на большом пальце, красовалась дырка.

— Здравствуйте, — сказал он. — Простите за сапоги. У вас белый камень, а на них вся Тверская область.

Вблизи он оказался выше, чем на фото, и шире в плечах. Борода, клетчатая рубашка, спокойные серо-зелёные глаза. Он разглядывал её тиару, фуксию и шампанское так, как разглядывают очень хорошую лошадь: без насмешки и без страха. С интересом.

— У вас дырка, — сказала Кэт.

— Это вентиляция, — серьёзно ответил он. — В жару незаменима.

— Вы всегда ездите в гости на металлоломе?

— На УАЗе. Его зовут Михалыч, ему тридцать лет, и ходит он лучше многих новых. Только обидчивый: с ним надо здороваться.

— От вас пахнет конюшней.

— Правда? — он обрадовался. — Это лучший запах на свете. Я боялся, что выветрился. Спасибо, что заметили.

— У вас борода.

— Заметили! Обычно все делают вид, что не видят.

Кэт ощутила, что разговор идёт не по сценарию. Как будто она нажала привычную кнопку, а лифт поехал не вверх, а вбок.

— Я избалованная, капризная и невыносимая, — сообщила она, чтобы расставить точки над «и».

— Слышал, — кивнул он. — Лучшие лошади всегда такие. Покладистые — скучные.

— Вы сравнили меня с лошадью?!

— С очень хорошей лошадью, — уточнил он. — Это комплимент. С лошадьми я дружу крепче, чем с людьми.

Бьянка за спиной у Кэт тихо всхлипнула, давясь смехом. Отец с большим вниманием изучал потолок.

— Борис Аркадьевич, — Пётр подхватил мешок и протянул ему. — Антоновка, прямо с дерева. Вы же любите.

Отец взял мешок обеими руками. Прижал к груди — слишком бережно, как не прижимают яблоки, — и на секунду закрыл глаза.

— Папа любит яблоки? — удивилась Кэт. Последние четырнадцать лет она не видела, чтобы он съел хоть одно.

— Давно не ел, — тихо сказал отец. Потом откашлялся, и железный Борис вернулся на место. — Идём в кабинет, Пётр.

Кэт пристроилась позади, с бокалом наготове. Три секунды до ведра. Две. Одна...

Пётр остановился в метре от двери.

— Борис Аркадьевич, — сказал он негромко. — Отойдите-ка левее.

— Что?

— Левее. Пожалуйста.

Он присел на корточки и потрогал паркет у порога. Палец вернулся мокрым. Из-под ореховой двери тонкой струйкой сочилась вода.

Кэт похолодела. Оцинкованное ведро, добытое у садовника, имело на дне крошечную дырочку. Садовник забыл упомянуть.

— Течёт, — констатировал Пётр, поднимая глаза туда, где над косяком торчал кончик розовой ленточки. — И лента. Эстетично.

Он взял отца за локоть и переставил в сторону — бережно, как переставляют нервного жеребёнка, — а сам встал сбоку от проёма. Два пальца на ручку. Лёгкий толчок.

Ведро качнулось, помедлило — и обрушило на порог ледяной водопад. Вода хлестнула по паркету ровно туда, где только что должны были стоять отец и жених. Ведро упало, с грохотом прокатилось по полу и остановилось у ног Кэт, покачиваясь на боку, как пьяное.

Тишина.

— Хорошее ведро, — сказал Пётр, поднимая его. — Только дырявое. Надо запаять. Могу, если хотите.

— Это была традиция, — выдавила Кэт. Ярость и восторг боролись в ней за первое место, и пока никто не выигрывал.

— Знаю, — кивнул он. — У нас в деревне тоже: ведро воды на пороге — чтобы дорогой гость ноги вымыл. Спасибо. У меня как раз носок с дыркой.

Отец закашлялся. Кашель подозрительно напоминал смех. Кэт не слышала, как он смеётся, четырнадцать лет, и это было так странно, что на секунду она забыла, на кого злится.

В кабинете отец сел за стол и сложил руки замком — поза, в которой он обычно подписывал приговоры чужим бизнесам. Пётр опустился на край дивана. Кэт, оставив бокал, устроилась на подлокотнике напротив: нога на ногу, взгляд — через прицел. Бьянка пристроилась в дверях, будто случайно, с телефоном в руке.

Кэт поймала себя на том, что смотрит на его руки: большие, в мелких шрамах, с аккуратно обрезанными ногтями. Руки человека, который много работает и ничего не ломает. Она отвела глаза.

— Пётр Сергеевич, — начала она. — Раз уж вы здесь, мне нужно признаться. Я беременна.

Отец закрыл глаза.

— От шейха, — продолжила Кэт. — Он, конечно, готов признать ребёнка...

— Какой срок? — спросил Пётр.

Она осеклась.

— Что?

— Срок, — повторил он деловито. — Чтобы я понимал, в какие сроки нам надо укладываться. Если три месяца, то торопиться придётся. Свадьбу лучше сделать как можно скорее, пока вам удобно в платье.

— Вы не поняли. Ребёнок не ваш. Ребёнок — шейха.

— То, что ребенок не мой, я понял. Мы впервые видимся, а встречи, ведущие к беременности, я привык запоминать. Ребёнок будет ваш. А когда родится — станет нашим. У меня места хватает: двенадцать гектаров и дом на пять комнат. Шейху, если захочет, можно приезжать в гости. Пусть только предупредит — я для верблюда загон подготовлю.

В дверях Бьянка сползла по косяку на пол. Отец прикрыл рот ладонью и уставился в окно с таким видом, будто его внезапно заинтересовал соседский забор.

Кэт всю жизнь бросала мячи в стену. Но в этот раз стена не отскочила. Стена поймала.

Значит, нужен другой удар — ниже пояса. И она знала, какой.

— Сколько он вам заплатил? — спросила она холодно. — Двадцать восемь миллионов, кажется? Ваш долг банку. Красивая цена за зятя.

В кабинете стало тихо. Пётр не изменился в лице; только в серо-зелёных глазах на мгновение потемнело, как от тени облака, пробежавшей по полю.

— Двадцать восемь миллионв четыреста тысяч, — ровно сказал он. — Копейки я тоже считаю. Но Борис Аркадьевич мне ничего не платил и не обещал. Я бы не взял.

— Не взяли бы?

— Не взял бы.

Кэт засмеялась — коротко и зло.

— Все берут.

— Возможно. Проверьте на мне.

Отец смотрел в стол. Кэт запомнит этот взгляд — позже, гораздо позже, когда поймёт, на что он смотрел.

— Борис Аркадьевич, — Пётр повернулся к нему, — я приехал сказать: я согласен. Если вы не передумали.

— Не передумал, — глухо ответил отец.

— Тогда свадьба через три недели. Пятнадцатого сентября.

— Через три недели?! — Кэт вскочила. — Люди готовят свадьбу полгода!

— Люди, которые собираются сбежать, готовят полгода. Чтобы было что терять, — спокойно сказал Пётр. — Нам не нужно. К тому же скоро яблоки, потом дожди, и дорогу до Лисьей Горки размоет до самой зимы. Три недели — вам на фокусы. Я не жадный.

— На какие ещё фокусы?!

— Борис Аркадьевич рассказал мне про пари. Я принимаю. Делайте всё, что придумаете. Я останусь.

Кэт повернулась к отцу.

— Ты ему рассказал?

— Он имел право знать, — сказал отец.

— Вы согласились на пари? — Кэт снова уставилась на Петра. — Вы понимаете, что я вам три недели жизни испорчу?

— Понимаю, — улыбнулся он. — Надеюсь, вам будет интересно.

— Пятнадцать минут, — подала голос от двери Бьянка.

Все обернулись. Она сидела на полу с телефоном, на котором шёл секундомер, и глаза у неё были огромные.

— Ты сама сказала: десять, максимум пятнадцать. Время вышло, Кэтти.

— А что случилось через пятнадцать минут? — вежливо поинтересовался Пётр.

— Ничего! — Кэт одарила сестру взглядом, от которого вяли цветы. Потом поправила тиару. — Это ещё не конец. Вы пожалеете, что приехали.

— Это уже случалось, — легко согласился он. — Привык.

Она развернулась на каблуках — и поскользнулась на мокром паркете. Мир кувыркнулся, тиара поехала набок, — и чья-то рука поймала её за локоть так легко, что Кэт даже не успела испугаться.

Рука была тёплая, шершавая и пахла яблоками, лошадью и чем-то ещё, надёжным, как деревянная скамейка на солнце. На долю секунды Кэт забыла, что собиралась его ненавидеть.

— Осторожно, Катя. Мокро.

— Это вы виноваты!

— Ведро было ваше.

— И не называйте меня Катей! Я Кэт.

— Хорошо, — кивнул он. — Катя.

— Вы издеваетесь?

— Нет, — ответил он так серьёзно, что она осеклась. — Просто по-другому не умею. Простите.

Кэт выдернула локоть.

— Не трогайте меня!

Он сразу поднял обе ладони и отступил на шаг.

— Не буду, — сказал он. А потом, помолчав, добавил: — Пока не попросите.

— Я не попрошу.

— Знаю.

И улыбнулся. Не торжествующе, нет. Скорее как человек, который умеет ждать столько, сколько нужно.

В комнате Бьянки на зеркале всё ещё красовался её план. «Пункт первый — ведро». Помада блестела, как свежая кровь. Кэт стёрла салфеткой «ведро», потом «шейх» — и осталось одно слово: «импровизация».

Идей не было. Вообще никаких. В голове крутились только два слова — «пока не попросите», — и Кэт никак не могла понять, почему они звучат не как угроза.

А как обещание. Это было гораздо страшнее.

Глава 4

Обед накрыли в столовой — длинной, белой, с таким количеством свободного пространства, что стол казался островом в молочном океане.

Отец сидел во главе. Пётр — справа от него, в новых носках без дырок: Бьянка раздобыла их в недрах отцовского шкафа, и он принял подарок с торжественностью, с какой принимают государственную награду. Кэт устроилась напротив, с видом прокурора. Тиару она так и не сняла: корона придавала допросу официальность.

Меню составлял лично отец, и в нём, как заметила Кэт, значились исключительно блюда, которых железный Борис не заказывал никогда: куриный суп с лапшой, гречка с грибами и, на десерт, шарлотка. Повар, расставляя тарелки, взглянул на неё с выражением «я тоже в шоке».

— Пётр Сергеевич, — Кэт отложила ложку. — Давайте знакомиться по-взрослому. Сколько вы зарабатываете?

— По-разному, — охотно ответил он. — Бывает плюс, бывает минус. Последние три года больше минус.

— Сколько вам нужно, чтобы жениться?

— Чтобы человек остался.

— Невесты у вас были?

— Борис Аркадьевич, — Пётр повернулся к отцу, — это можно при вас?

— Нельзя, — сказал отец. — Но интересно.

— Одна, — ответил Пётр, ничуть не смутившись. — Ушла.

— Почему?

— Сказала, что я слишком спокойный. Что со мной нельзя поругаться, как со стенкой.

— И вы её не удерживали?

— Не удерживаю. Дверь открыта — это принцип.

— Это называется равнодушие.

— Нет, — он покачал головой. — Равнодушие — когда не замечают, что человек уходит. Я замечаю. Просто не бегу следом.

Он сказал это просто, без пафоса, и Кэт вдруг не нашла колкости. Пауза повисла над столом, и в ней отчётливо звякнула ложка в руке у отца.

— Вы храпите? — спросила она, чтобы вернуть почву под ногами.

— Нет. Но если надо, научусь.

Бьянка поперхнулась компотом.

— Любите детей?

— Люблю.

— Сколько хотите?

— Сколько получится.

— А шейху вы об этом скажете сами?

— Шейх у меня в списке гостей, — невозмутимо ответил Пётр. — Рядом с верблюдом.

Отец уронил салфетку и очень долго за ней наклонялся. Плечи у него подозрительно вздрагивали.

Принесли шарлотку. Отец взял кусок первым — и Кэт с изумлением увидела, как он ест: медленно, не поднимая глаз, словно выполняет какой-то обряд. Второй кусок он положил себе сам. Третьего не ожидал никто.

— Пап, — осторожно спросила она, — ты что, влюбился в шарлотку?

— Вкусная, — коротко ответил отец.

И Кэт поняла, что допрос провалился: главный свидетель думает вовсе не о ней. Она швырнула салфетку на стол.

— Я иду в сад.

— Борис Аркадьевич, — Пётр поднялся, — вы позволите?

Отец помолчал.

— Идите, — сказал он. — Только недалеко.

Сад при доме был таким же, как всё остальное: идеальный газон, три валуна, расставленных дизайнером по фэн-шуй, и ни одного цветка. Кэт упала на скамейку и вытянула ноги. Пётр остановился в трёх шагах.

— Можно присесть?

— Это сад моего отца. Спрашивайте у него.

— Я спрашиваю у вас.

Она пожала плечом — «как хотите» — и он сел на дальний край скамейки. Между ними поместился бы ещё один человек. Или одна неловкость.

— Тиара вам идёт, — сказал он. — Но она давит. Вы всё время её поправляете.

Кэт открыла рот, чтобы возразить, и поняла, что он прав. За обедом она поправляла тиару раз пять. Она сняла её и положила на колени. Стало легче. И почему-то обидно, как будто он выиграл раунд, о котором она даже не знала.

— Вы психолог?

— Конюх. Это почти одно и то же: лошадь тоже не скажет, что ей страшно. Она просто лягается.

— Я лягаюсь?!

— Немножко, — серьёзно кивнул он. — Красиво.

Она рассмеялась — против воли, коротко, как кашлянула, — и тут же разозлилась на себя.

— Хорошо. Давайте напрямую. Зачем вам это? Деньги? Или вы Мать Тереза с бородой и спасаете богатую девочку от одиночества?

— Я не знаю, добрый ли я, — сказал он. — Я просто не бегу. Это единственное, что я умею по-настоящему хорошо.

— Не бежать?

— Оставаться.

Ветер шевельнул ветку, и в тишине стало слышно, как далеко за забором лает чья-то собака.

— Знаете, что я заметил? — продолжил он. — Вы после каждой шутки смотрите на дверь. Всего на долю секунды. Проверяете, ушёл я или нет.

Кэт похолодела.

— Это неправда.

— Хорошо, — согласился он и не стал спорить. — Я просто говорю, что вижу. Вы не со мной воюете, Катя. Я просто стою там, куда вы целитесь.

— Не лезьте мне в душу.

— Я не лезу, — мягко сказал он. — Я говорю, о том что вижу, оттуда, где стою.

Кэт отвернулась. Над газоном слепило августовское солнце, и она сделала вид, что ей просто режет глаза.

— Люди не остаются, — сказала она. Фраза выскочила сама, та же, что и отцу. Она не хотела.

— Одни — нет, — спокойно согласился Пётр. — Другие — да. Я мог бы убеждать вас словами, но слова вы привыкли пропускать мимо ушей. Давайте попробуем иначе.

— Как?

— Пари.

Она подняла бровь. Это было слово из её лексикона. Слово, на которое она не умела не откликаться.

— Свадьба — пятнадцатого, — сказал он. — Это условие вашего отца, не моё, и я его выполню. Но дальше будет по-моему. После свадьбы вы едете ко мне, на Лисью Горку. До первого снега. Комнат у меня много, дверь не запирается, никто вас не держит. Захотите — уйдёте хоть в первый вечер.

— И в чём подвох?

— Если сбегу я — вы выиграли. Получаете всё, что обещал вам отец. Если до первого снега не сбегу — вы скажете одну фразу.

— Какую?

— «Бывают люди, которые остаются». Вслух. При всех. Своими словами.

Кэт смотрела на него долго. Она искала подвох — и не находила. Вот что бесило больше всего: подвоха не было. Он ставил на кон не деньги, не землю и даже не репутацию, а одну-единственную фразу. Ту самую, которую она не говорила никому и никогда.

— А если уйду я? — спросила она. — Раньше снега.

— Тогда я не сбежал, — сказал он просто. — И фразу вы всё равно задолжали.

— Вы нахал.

— Мне говорили. Но я предпочитаю другое слово — упрямый.

Она прищурилась. В голове быстро щёлкали цифры: три недели до свадьбы, потом полтора месяца, ну два. Что за это время сделает с ним она? Любой выдохнется. Любой. Фраза — пустяк, а мамины вещи — всё.

— Условие, — сказала она. — Интернет.

— Есть.

— Вот видите! Надо было сразу...

— На горе, — добавил он.

— На какой горе?

— На Лисьей. Это холм за конюшней. Там ловит связь. Зато вид.

— То есть чтобы выложить сториз, мне придётся лезть на гору?

— Это не издевательство, Катя, — серьёзно сказал он. — Это география.

Она снова рассмеялась. Второй раз за день. Хуже того — второй раз за час. Кэт вскочила, пока не рассмеялась в третий.

— Идёт.

Он протянул руку. Ладонь была широкая, тёплая, с крепкой мозолью у основания пальцев. Кэт пожала её решительно, по-мужски, как заключают сделки. Он держал её ровно секунду — и отпустил первым, раньше, чем она успела вырваться. Это было странно: Кэт всегда вырывалась сама. А теперь вдруг осталась стоять с пустой ладонью и ощущением, что у неё что-то украли. Или — наоборот — оставили.

В холле они нашли отца: тот стоял у окна спиной к ним и смотрел на мокрую от ведра дорожку, будто видел на ней не лужу, а что-то другое.

— Борис Аркадьевич, — сказал Пётр, — мы договорились. Свадьба состоится 15, но пари продлевается до первого снега. Если я сбегу до этого дня — Катя выиграла, и всё, что вы ей обещали, остаётся в силе.

Отец долго молчал.

— Принимаю, — сказал он наконец. Голос у него был ровный, но Кэт заметила, как побелели костяшки на подоконнике. — Условия те же.

Они пожали друг другу руки — и снова, как в начале, отец держал руку Петра дольше, чем требовала вежливость. Потом сказал ему что-то тихо, одними губами. Кэт не расслышала: что-то короткое, из двух слов.

Пётр вышел на крыльцо, обулся, прошёлся ладонью по борту УАЗа — «ну, Михалыч, поехали» — и уехал, не оглянувшись. Мотор кашлянул пару раз, и грязная машина растворилась за воротами, оставив на белом камне длинный коричневый след, как автограф.

Кэт стояла на крыльце и смотрела ему вслед. Почему-то не хотелось ни шутить, ни снимать, ни выкладывать. Телефон в руке молчал.

И только когда след высох, она вдруг поняла одну странную вещь. За три часа никто из них — ни отец, ни этот бородатый конюх — ни разу не произнёс слово «Кэт». Она поправляла их раз десять. Они не спорили и не забывали. Они обходили это слово, как обходят свежевыкрашенную скамейку: аккуратно, не касаясь.

Два мужчины, которых ничто не берёт, боялись одного-единственного слова.

Кэт не знала почему. Но собиралась выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.